

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.В. Левитов

Введение в христианское Нравственное Богословие

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 1. С. 83-96.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Введение въ христіанское Нравственное Богословіе.

I.

Опредѣленіе науки.

ПОДЪ именемъ Нравственнаго Богословія разумѣтся наука, въ систематическомъ порядкѣ излагающая христіанское нравоученіе, иными словами наука о христіанской нравственности. Терминъ «нравственность», повидимому, всѣмъ намъ представляется знакомымъ и понятнымъ. Мы различаемъ нравственные и безнравственные дѣйствія, говоримъ о хорошихъ и дурныхъ поступкахъ, восхищаемся чѣмъ либо или негодуемъ во имя нравственныхъ требованій и т. д. Но если мы захотимъ ясно и отчетливо опредѣлить, въ чемъ именно заключается существенная особенность явленій нравственнаго порядка въ отличіе отъ безнравственныхъ, то почувствуемъ необычайную трудность этого вопроса. Нѣкоторые моралисты пытаются выяснить понятіе о нравственности на основаніи филологическаго анализа этого слова. Оно, говорятъ, происходитъ отъ глагола нравится, что указываетъ на пріятный для человѣческаго сердца, привлекательный характеръ нравственнаго добра. Однакожь, съ этою мыслью нельзя согласиться безъ нѣкоторыхъ существенныхъ оговорокъ. Правда, добро *нравится* «духовному» и «внутреннему» человѣку, который по апостолу «соуслаждается закону Божию» (Римл. VII,—22), непреодолимо влечетъ его своею красотою и мощью, но за то иногда очень и очень не нравится человѣку плотскому «душевному», находящему «инъ законъ во удѣхъ своихъ, противовоющихъ закону ума его и плѣбующъ его закономъ грѣховнымъ» (Римл. VII—23). Въ глубинѣ души вся-

кій, даже самый тяжкій грѣшникъ, сознаеть, что все нравственное прекрасно и совершенно, что именно оно должно служить цѣлью нашей жизни, но его испорченная природа влечеть его въ другую сторону, въ сторону зла. Поэтому-то и сказалъ Христосъ: «царство Божіе нудится и нужныцы восхищаютъ е», и отъ своихъ послѣдователей прежде всего требовалъ креста: «иже хочеть по мнѣ итти, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядеть» (Марк. VIII—34). Отреченіе отъ эгоизма, жертва личнымъ счастьемъ ради счастья ближнихъ, распятіе своей плоти «со страстьми и похотьми» тяжелы, часто мучительны для человѣка. Наоборотъ, обольстительный міръ грѣховныхъ наслажденій представляется для него въ высшей степени привлекательнымъ, хотя и осуждается голосомъ нашей совѣсти. Гармоническій синтезъ добродѣтели и счастья, склонностей и долга составляетъ лишь идеаль, къ которому постепенно приближается человѣкъ. А пока ему приходится испытывать мучительное раздвоеніе между высшею и низшею сторонами своей природы, причемъ одна влечеть его въ область нравственно-добраго, хотя бы и чрезъ тѣсныя врата, чрезъ путь усѣянный терніями и шипами, другая въ царство «плоти и крови», грѣховныхъ наслажденій, эгоистическаго счастья. Въ человѣкѣ живетъ двѣ души «одной изъ нихъ хвататься грубо суждено за этотъ міръ съ его любовнымъ тѣломъ, въ другой же все горѣ вознесено». Въ виду этого терминъ «нравиться», какъ простирающейся, при данномъ состояніи человѣческой природы, на многіе факты отрицательной цѣнности и имѣющій въ обычномъ словоупотребленіи слишкомъ чувствительный смыслъ, мы не считаемъ характернымъ при уясненіи понятія о нравственно-доброемъ.

Вопросъ о томъ: что такое нравственное доброе? всегда занималъ мыслящее человѣчество, былъ предметомъ мучительныхъ усилій на всемъ протяженіи его историческаго существованія. Онъ также интересенъ и такъ же труденъ, какъ вопросъ Пилата: «что есть истина»?

Попытаемся сдѣлать *предварительное* опредѣленіе добра съ *формальной стороны*, указать его существенныя, общія и отличительныя признаки.

Понятіе о нравственно-доброемъ входитъ въ объемъ болѣе широкаго понятія о совершенномъ, занимая въ ряду его проявленій самое высокое мѣсто. Не только красота, здоровье, сила, но даже талантъ и гениальность стоятъ ниже его. Лишь

одно добро имѣть безусловное значеніе, тогда какъ всѣ прочія блага сохраняютъ въ нашихъ глазахъ цѣнность лишь подъ условіемъ ихъ согласія съ нимъ. Богатая фантазія, глубина и всесторонность мысли, обширная эрудиція, художественный геній, какъ свойства личности превращаются въ ничто, какъ скоро мы знаемъ, что она лишена нравственныхъ принциповъ и пользуется силой своихъ природныхъ талантовъ для достиженія низкихъ эгоистическихъ цѣлей. Если добродушная, но недалекая посредственность, соединяющая въ себѣ съ наивностью возрѣній горячее любящее сердце, можетъ вызвать нашу симпатію, хотя и соединенную съ чувствомъ сожалѣнія, то злой геній, человѣкъ умный, но безсердечный, вслѣдствіе своего моральнаго недостатка, безусловно отвратителенъ и справедливо возбуждаетъ негодованіе.

Фактъ преимущественной цѣнности нравственнаго добра въ ряду всѣхъ другихъ проявленій совершеннаго подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что лишь оно одно признается нами вмѣняемымъ, заслуживающимъ награды. Мы сочли бы возмутительно несправедливымъ карать человѣка за умственную ограниченность, недостатокъ красоты или слабость здоровья; наоборотъ, страданія злыхъ и счастье праведныхъ требуются присущимъ намъ чувствомъ правды. На этой точкѣ зрѣнія всегда стояло религіозное и правовое сознаніе народовъ. Во всѣхъ религіяхъ есть ученіе о загробномъ мздовоздаяніи, по которому праведники должны блаженствовать, а грѣшники страдать. Награда или наказаніе будутъ назначаться только за святость или грѣховность, то есть за нравственное состояніе человѣка, а не за его умственные и тѣмъ болѣе внѣшнія качества.

Для рѣшенія послѣдней судьбы человѣка будетъ совершенно безразлично: идиотъ онъ или геній, уродъ или представитель красоты и изящества. И по человѣческимъ законамъ за глупость и физическіе недостатки не наказываютъ, равно какъ и никакой умъ не служитъ оправданіемъ преступленія, а скорѣе только увеличиваетъ вину. Наконецъ, если иногда намъ кажется, что умственные дарованія и даже красота тѣла имѣютъ большія права на счастье сравнительно съ глупостью и уродствомъ, то и въ этомъ случаѣ мы безсознательно и невольно переносимъ нравственную точку зрѣнія въ другія области. Намъ кажется, что и умъ созданъ самимъ человѣкомъ, что и физическая привлекательность является выраженіемъ красоты душевной.

Такимъ образомъ первымъ признакомъ нравственнаго добра является тотъ, по которому оно въ ряду всѣхъ другихъ проявленій совершеннаго занимаетъ самое высокое мѣсто, имѣя характеръ безусловной цѣнности.

2. Нравственно доброе служить выраженіемъ человѣческой *активности*, относится къ области воздѣйствія личности на окружающій міръ. Человѣческій духъ, съ одной стороны, является какъ бы зеркаломъ, воспринимающимъ и отражающимъ дѣйствительность, съ другой факторомъ ея измѣненія и пересозданія. Между субъектомъ и объектомъ, нашимъ я и бытіемъ, лежащимъ внѣ его, происходитъ постоянный обмѣнъ вліяній, постоянное теченіе отъ периферіи къ центру и обратно отъ центра къ периферіи. Нашъ разумъ не безъ основанія называютъ микрокосмомъ въ томъ смыслѣ, что онъ носитъ въ себѣ идеальную схему всего существующаго. Съ другой стороны, наша свободная воля не съ меньшимъ правомъ можетъ быть признана самопричиною, силою творчества, источникомъ, изъ котораго рождается новое въ мірѣ. Нравственное добро относится, несомнѣнно, къ области воли, являясь выраженіемъ реагирования нашей личности на окружающій міръ.

3. Третьимъ существеннымъ признакомъ нравственнаго добра является его безусловная обязательность. Мы сознаемъ что *должны* ему слѣдовать и избѣгать всего того, что ему противорѣчитъ. Если не дѣлаемъ этого, то испытываемъ мученія совѣсти. Это чувство долга, сообщающее нравственнымъ требованіямъ характеръ суровой принудительности, составляетъ такую же ихъ специфическую особенность, какъ и идея абсолютной цѣнности. Добро не только привлекательно и желательно, но и обязательно. Последняя черта отличаетъ его отъ просто пріятнаго, отъ того, что намъ только нравится. Черта эта выступаетъ особенно ярко при сопоставленіи идеи добра съ идеею счастья. Потребность счастья есть фактъ неизмѣнный и универсальный. Оно дорого для человѣческаго сердца и составляетъ объектъ постоянныхъ стремленій нашей природы. Какъ растение обращается къ свѣту, какъ животное ищетъ себѣ пищи, такъ сердце человѣческое жаждетъ счастья. И тѣмъ не менѣе, намъ совершенно чужда мысль, чтобы мы были *обязаны* всѣми силами стараться умножить радости своего бытія, пзвлекая изъ жизни наибольшее количество наслажденій. Эвдемонистическая точка зрѣнія осуждается нравственнымъ сознаніемъ человѣчества, а страданія и самоотверженіе, по

крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возводятся имъ на пьедесталь и окружаются ореоломъ. Слѣдовательно, счастье, будучи въ высшей степени желательнымъ, нисколько не обязательно. Наоборотъ добро, хотя бы его осуществленіе казалось для насъ тяжелымъ и неприятнымъ, сопровождалось внутренними мученіями и борьбой,—дается нашему сознанию, какъ нѣчто долженствующее быть выполненнымъ. Слѣдовательно, свойство обязательности есть нисколько существенный для добра, настолько же только ему одному принадлежащій признакъ.

Наконецъ, нравственно доброе можетъ существовать лишь при условіяхъ сознательности и свободы. Въ этомъ заключается отличіе его отъ истиннаго и прекраснаго. Истина остается истиной даже и тогда, когда она является продуктомъ безсознательной дѣятельности духа, возникая въ чловѣкѣ сама собою, безъ всякихъ успій съ его стороны. Красота также способна насъ привлекать и очаровывать, хотя бы она и не была самодѣтельнымъ продуктомъ творческихъ силъ. Мы восхищаемся лазурью голубого неба, алмазами, цвѣтами, видами природы, чувствуемъ отвращеніе къ тарантулу, скорпиону или гнилому мясу. Наоборотъ, добро внѣ сознанія и свободы не могло бы существовать, какъ такое. Процессы и явленія бездушнн матеріи, жизнь растений и животныхъ паходятся внѣ моральной опѣнки. Поступки дѣтей до пробужденія въ нихъ сознанія и душевно большихъ также признаются не подлежащими этической квалификаціи. Чѣмъ больше сознательности и свободы проявилось въ томъ или иномъ чловѣческомъ поступкѣ, тѣмъ высшую цѣнность имѣеть онъ въ нашихъ глазахъ въ случаѣ его согласія съ нравственнымъ закономъ и тѣмъ болѣе возмущаетъ насъ въ случаѣ несогласія съ нимъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ христіанское ученіе о загробномъ мздовоздаяніи (Лук. XII, 47—48); этотъ же принципъ положенъ въ основу уголовного права всѣхъ культурныхъ народовъ. Сила мотива къ тому или другому преступленію служить обычно основаніемъ къ смягченію наказанія, такъ какъ она уменьшаетъ степень свободы, а слѣдовательно и отвѣтственности. Отсюда, съ одной стороны, признаются мнѣе вмѣняемыми дѣйствія, совершенныя подъ вліяніемъ эффекта, господствующей страсти или навязчивой идеи, съ другой, подъ воздѣйствіемъ физическихъ аномалій и органическихъ разстройствъ, напрімѣръ, истеричности и нервности, наслѣдственнаго алкоголизма, беременности, полового бѣшенства.

Свобода составляет не только необходимое условие нравственности, но и самое главное основание ея цѣнности. Потому именно мы и считаемъ добро высшимъ изъ всѣхъ проявленій совершеннаго, что оно зависитъ отъ самого человѣка, является продуктомъ его личности. Между нашимъ я и нравственною областью существуетъ несравнимо болѣе тѣсная связь, чѣмъ между нимъ и всѣми другими областями душевной жизни. Лишь она одна зависитъ отъ человѣка, являясь продуктомъ его творчества, будучи плотію отъ плоти и костію отъ кости самой сокровенной сущности его души. То, что входитъ въ ея нѣдра извнѣ въ формѣ ощущеній и идей принадлежитъ собственно не намъ, а міру, тогда какъ исходящее изъ центра нашего духа въ периферіи внѣ насъ лежащей жизни есть наше собственное достояніе, которымъ мы въ правѣ гордиться, если оно носитъ характеръ совершенства. Отсюда понятно, что сознание свободы «составляетъ необходимое условие нравственной жизни и входитъ непосредственно во всѣ нравственныя питунціи. Она есть та красная нить, которая связываетъ въ одно цѣлое всю нравственную область и отличаетъ ее отъ всякой другого рода дѣятельности, именно, какъ нравственную. Поэтому можно смѣло сказать за Ушинскимъ, что идея свободы такъ же необходима для нравственной жизни, какъ воздухъ для дыханія».

Итакъ. Нравственное Богословіе есть наука о христіанской нравственности, нравственность есть дѣятельность сообразная съ идеєю добра, а добро есть отвѣчающее идеѣ совершенства проявленіе человѣческой активности, запечатлѣнное характеромъ высшей цѣнности и безусловной обязательности, при наличности сознания и свободы.

II.

Отношеніе нравственности къ религіи.

По вопросу объ отношеніи между нравственностью и религіей можетъ существовать и дѣйствительно существуетъ нѣсколько взглядовъ. Въ нашемъ традиціонномъ богословіи долго царила мысль о совершенной невозможности безрелигіозной морали. Когда въ старинныхъ духовныхъ школахъ давалось сочиненіе на тему: можетъ ли быть атеистъ хорошимъ человѣкомъ, то воспитанники должны были непременно отвѣчать

и дѣйствительно отвѣчали на этотъ вопросъ отрицательно. Доказательства своего положенія, вслѣдъ за учебниками и учебными пособиями, они обыкновенно строили по такой схемѣ. Повидимому, писали они, атеистъ можетъ быть нравственнымъ, но это только повидимому и при томъ съ поверхностной точки зрѣнія. При болѣе глубокомъ изслѣдованіи оказывается, что всѣ добродѣтели невѣрующихъ не суть таковыя въ истинномъ смыслѣ этого слова. Повторялся извѣстный афоризмъ Тертуліана о языческихъ добродѣтеляхъ, что онѣ не болѣе, какъ блестящіе пороки. Мнѣніе слишкомъ ужъ жестокое и обидное для естественнаго человѣка, въ природѣ котораго признавали нѣчто доброе и Иисусъ Христосъ («язычники любятъ любящихъ ихъ») и ап. Павелъ (Римл. 1, 14, 2, 14).

Утвержденіе, что безъ религіи не можетъ быть *никакой* нравственности рѣзко противорѣчитъ опыту. Въ жизни мы часто видимъ людей слабо вѣрующихъ и въ то же время добрыхъ, честныхъ, самоотверженно работающихъ на пользу ближнихъ. И въ нѣкоторые историческіе моменты подобные факты встрѣчаются нерѣдко. Наоборотъ, религіозные люди не всегда стоятъ на должной высотѣ моральнаго уровня. Утвержденіе, что нельзя дѣлать ничего хорошаго безъ вѣры во Христа вызываетъ въ современномъ скептически настроенномъ обществѣ одно лишь озлобленіе, заставляя его въ качествѣ реакціи увлекаться противоположною мыслью о цѣнности лишь тѣхъ человѣческихъ поступковъ, которые стоятъ внѣ какой-бы то ни было связи съ религіозными мотивами.

Взглядъ на необходимость полной автономіи для нравственнаго закона съ особенною подробностью былъ раскрытъ Кантомъ. По мнѣнію этого философа, религія всегда была лишь тою скорлупою, въ которую *по недоразумѣнію*, въ силу какого-то *радикальнаго зла*, лежащаго въ человѣческой природѣ, люди облакали свои нравственныя требованія. Это обезцѣнивало поведеніе человѣка, дѣлало его эгоистическимъ и корыстнымъ. Истинною причиною поступковъ, совершенныхъ по религіознымъ мотивамъ, является не любовь и уваженіе къ добру самому по себѣ, а ожиданіе загробнаго воздаянія, имѣющее эвдемонистическій характеръ.

Такимъ образомъ, Кантъ требуетъ безрелигіозной автономной морали во имя ея чистоты и безкорыстія. На иной почвѣ стоитъ другой новѣйшій автономистъ Ницше. Онъ считаетъ постыднымъ для человѣка подчиняться чуждому, отвѣ павя-

занному закону, видя въ такомъ подчиненіи проявленіе рабскаго духа. Сверхчеловѣкъ, сознавшій относительность всего «человѣческаго», долженъ объявить войну самому Богу, стать «по ту сторону добра и зла», признавъ единое свое я источникомъ всякаго закона и критеріемъ всякой истины. «Собственная глупость лучше чужой мудрости»—такъ говоритъ Заратустра.

Но насколько въ дѣйствительности разумно и цѣнно стремленіе человѣка къ полной автономіи, къ независимости отъ чего бы то ни было, даже отъ Верховнаго Существа? Религіозное сознаніе всѣхъ народовъ и въ частности христіанская мораль осуждаютъ это желаніе, какъ богопротивное и безирравственное. Оно, какъ предполагали св. отцы церкви, было причиною паденія діавола, оно же лежало въ основѣ грѣхопаденія нашихъ прародителей. Желаніе полной автономіи есть въ сущности отрицаніе Бога и стремленіе самому занять Его мѣсто. Но такое стремленіе, если мы будемъ судить о немъ съ точки зрѣнія его истинности, въ высшей степени нелѣпо и противоестественно. Ни одно существо не можетъ выйти изъ границъ своей собственной природы и превратиться въ другое высшее. Камень не можетъ сдѣлаться животнымъ, животное человѣкомъ. Тѣмъ болѣе невозможно существу ограниченному сдѣлаться абсолютнымъ, человѣку стать Богомъ.

Пусть такъ, могутъ сказать намъ на это, пусть *фактически* человѣкъ никогда не можетъ превратиться въ высшее автономное существо. Но не заключаетъ ли все таки самое стремленіе къ этому чего-либо благороднаго, равно какъ и наоборотъ, безпрекословное подчиненіе Богу не свидѣтельствуетъ ли о неизменности и пошлости человѣческой природы? Такъ было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы мы мыслили Бога не абсолютно совершеннымъ существомъ, а только безгранично могущественнымъ деспотомъ, пользующимся своимъ правомъ—силы и налагающимъ на насъ различныя оковы въ формѣ закона, долга и т. п. Въ такомъ случаѣ, конечно, хотя бы человѣкъ навѣрное зналъ, что онъ не въ силахъ свергнуть съ себя чуждое иго, онъ долженъ бы былъ стремиться къ свободѣ и внутренне не примиряться съ неизбѣжнымъ фактомъ, помня, что

„Не цѣни дѣлають раба,
Но рабское созванье“.

Но вѣдь дѣло въ томъ, что Богъ не есть только безгранично могущественная сила, какъ иногда представляло его

неразвитое сознание дикихъ народовъ, а самоабсолютное добро. Отсюда подчиненіе данному Имъ закону есть подчиненіе истинѣ, совершенству и благу, подчиненіе, не только не заключающее въ себѣ ничего унижительнаго и позорнаго, а наоборотъ, составляющее лучшее украшеніе человѣка.

Но пусть скажутъ намъ, Божественный законъ есть само совершенство и сама правда. Тѣмъ не менѣе онъ не нашъ собственный, есть нѣчто чужое и стороннее. Не лучше ли подчиниться менѣе совершенному закону, по своему, чѣмъ болѣе совершенному, отвиѣ. На это точкѣ зрѣнія стоитъ Ницше. Однако-жъ разсуждать такъ, значить выдавать за истину чистѣйшій абсурдъ. Совершенство не перестаетъ быть таковымъ оттого, что оно принадлежитъ не намъ и кому-либо другому. А если такъ, то разумнѣе слѣдовать лучшему, а не худшему, хотя бы первое принадлежало другому, а второе было нашимъ собственнымъ. Наконецъ, подчиненіе Божественному закону не унижительно для человѣка потому, что въ мірѣ, какъ бытій ограниченномъ и несамобытнымъ, вообще нѣтъ ничего такого, чтобы не происходило отъ Бога. Все отъ Него исходитъ и къ Нему возвращается, «о Немъ мы живемъ, движемся и существуемъ». Но если для человѣка не обидно быть зависимымъ отъ Бога по бытію, то тѣмъ болѣе естественно подчиняться Ему въ своей дѣятельности, которая есть лишь одна изъ формъ или проявленій бытія.

Что же касается взгляда Канта, то въ немъ, несомнѣнно, заключается элементъ истины. Дѣйствительно мораль должна быть безкорыстной, и по скольку она опредѣляется эвдемонистическими мотивами, хотя бы и религіознаго характера, постольку теряетъ въ своей цѣнности. Но, соглашаяся съ этимъ, мы не считаемъ религію вредной для нравственности, а наоборотъ, признаемъ ее единственно твердой и надежной опорой для послѣдней.

Атеистъ, конечно, можетъ быть добродѣтельнымъ: любить своихъ ближнихъ, заботиться объ ихъ благѣ, жертвовать своими личными интересами ради интересовъ общественныхъ, быть воздержнымъ и т. д. Основаніе для этого онъ найдетъ прежде всего въ нѣдрахъ своей природы, въ ея запросахъ и постулятахъ. Человѣкъ порядочный не сдѣлаетъ какой нибудь подлости потому же самому, почему онъ не станетъ ѣсть гнилого мяса, хотя бы и имѣлъ полную возможность къ тому. Какъ нормальный желудокъ естественно отвращается отъ нездоровой

пищи, такъ и человѣческая совѣсть инстинктивно отталкиваетъ отъ себя всякую нравственную гниль. При извѣстной степени моральности грубѣйшіе виды порока становятся уже психологически невозможными.

Клевета, воровство, шпіонство, грубый развратъ, чрезмѣрное сластолюбіе, жестокость—непосредственно претятъ нашему нравственному чувству, и не нужно быть религіозно-вѣрующимъ, чтобы воздержаться, положимъ, отъ кражи носового платка изъ кармана знакомаго или отъ сквернословія. Въ самой организаціи человѣческой природы, значить, заключается, повидимому, надежная гарантія возможности безрелигіозной нравственности, какъ факта. Эту мысль выражаетъ и апостоль Павелъ, когда говоритъ о язычникахъ, что они «не имуще закона естествомъ законная творять» (Римл. II—14).

Но съ иной стороны представится намъ дѣло, если мы поставимъ вопросъ о метафизическихъ основахъ морали. Атеистъ будетъ поступать добродѣтельно лишь до тѣхъ поръ и постольку, поскольку это для него пріятно. Здоровый человѣкъ, по всей вѣроятности, не станетъ ѣсть гнилой пищи, но если бы онъ захотѣлъ сдѣлать это, и если бы не было извѣстно, что данная пища, помимо дурнаго вкуса, смертоносна для организма, трудно было бы доказать ему его неправоту. Равнымъ образомъ исполненіе долга лишь до тѣхъ поръ обязательно для невѣрующаго, пока оно совпадаетъ съ его личными склонностями. Въ случаѣ антагонизма между идеалами счастья и добродѣтели, мы не можемъ убѣдиться въ необходимости отдавать предпочтеніе послѣдней, если только не докажемъ ея абсолютной цѣнности. А сдѣлать это, какъ сейчасъ увидимъ, можно лишь стоя на почвѣ религіозныхъ предпосылокъ— и это вотъ почему.

Имѣя въ виду относительность и условность все міровой жизни и въ частности человѣческой природы легко прійти къ заключенію, что присущіе намъ нравственные идеи и постулаты суть только плодъ нашей субъективной организаціи измѣнчивой и условной, что имъ не соответствуетъ никакой объективной дѣйствительности. Поступая, на примѣръ, по принципу любви, жертвуя собственнымъ счастьемъ ради ближнихъ, или подавляя влеченіе своей чувственной природы, мы не можемъ быть увѣрены, что все это дѣйствительно хорошо. Въдь въ концѣ концовъ всякая моральная оцѣнка основывается на постулатахъ нашей природы, но на какомъ основаніи мы мо-

жемъ дѣлать послѣднюю мѣриломъ абсолютной истины. Быть можетъ наши понятія о добромъ и зломъ имѣютъ лишь относительно—субъективный характеръ, быть можетъ съ какой-нибудь подчеловѣческой или сверхчеловѣческой точки зрѣнія чувство любви ниже эгоизма, а универсальное счастье есть несовершенство сравнительно съ страданіемъ. Такъ, съ эволюціонной точки зрѣнія, мы, теперешніе люди, происшедшіе путемъ долгаго процесса изъ первичныхъ туманностей, въ концѣ концовъ превратимся въ такія существа, которыя такъ же превосходятъ насъ, какъ мы атомы неорганическаго міра. Легко видѣть, во что превратятся наши нравственныя понятія въ глазахъ этихъ гипотетическихъ существъ! Подобныя мысли естественны для человѣка невѣрующаго, а между тѣмъ онѣ колеблютъ наше уваженіе къ добру, убѣжденіе въ его безотносительной цѣнности, неизмѣнности и общеобязательности.

Что бы считать себя обязанными поступать нравственно, стремиться къ общему счастью, любить своихъ ближнихъ, жертвовать личными интересами для блага другихъ, надо вѣрить, что все это (счастье, любовь, самопожертвованіе) суть дѣйствительныя совершенства, а не кажущіяся только такими для насъ, что они признаются чѣмъ-то высшимъ сравнительно съ эгоизмомъ, злобою и страданіемъ всѣми существами, даже обладающими иной организаціей, совершенно не похожей на нашу. Но на чемъ можетъ быть основана такая вѣра? Только на предположеніи существованія Бога. Въ понятія о Богѣ, какъ существѣ абсолютномъ, какъ существѣ истинномъ и какъ существѣ благомъ, дается тройкая гарантія объективной значимости морали. Существо абсолютное, по самой идеѣ своей, независимо ни отъ какихъ условій, а слѣдовательно, и отъ своей природной организаціи. Для него не существуетъ различія идеальнаго и реальнаго, его мысль равна бытію и, слѣдовательно, выражаетъ абсолютную, въ собственномъ смыслѣ метафизическую истину. Отсюда, если Богъ такъ же мыслить добро и зло, какъ мы, то они имѣютъ абсолютно-объективный характеръ. А тожество воззрѣній абсолютнаго существа на добро и зло съ нашими стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія для человѣка вѣрующаго въ Божественную благость и въ Божественное происхожденіе нравственнаго закона.

Такимъ образомъ, лишь въ религіи можно видѣть надлежащую опору нравственности, гарантію ея безотносительности, неизмѣнности и обязательности. Но помимо этого, такъ ска-

зять, философскаго значенія для нравственности, религія имѣть огромную цѣнность и для практической жизни. Изъ религіозной сферы заимствуются наиболѣе сильныя, могущественныя и дѣйствительныя мотивы добродѣтели. Именно это имѣть въ виду одинъ изъ злѣйшихъ враговъ вѣры Вольтеръ, когда говорилъ, что если бы не было Бога, то пришлось Его выдумать. И далеко не всѣ они (мотивы) имѣютъ корыстный характеръ, какъ думалъ Кантъ. Побужденіями къ исполненію нравственнаго закона могутъ быть любовь къ Законоучителю и желаніе благоупотребленія. А это мотивы насколько дѣйствительныя, настолько чистыя и возвышенныя. Когда ребенокъ воздерживается отъ шалостей изъ боязни оскорбить отца или мать, то неужели онъ руководствуется въ данномъ случаѣ эгоизмомъ? Не наоборотъ ли? Не любовь ли заставляетъ его жертвовать своими желаніями опасенію причинить непріятность уважаемымъ и любимымъ людямъ? Любовь противоположна эгоизму, а слѣдовательно, основанная на любви къ Богу религіозная нравственность, съ точки зрѣнія чистоты и возвышенности, нисколько не уступаетъ нравственности автономной.

Особенное значеніе для нравственной жизни христіанина имѣть представленіе о личности Христа и совершенномъ Имъ искупительномъ дѣлѣ. Яркій образъ мученика—Богочеловѣка, принявшаго зракъ раба, унижаемаго и оскорбляемаго, страдавшаго и умершаго на крестѣ за наши грѣхи, дѣлаетъ для насъ психологически невозможнымъ оскорблять Его своимъ бурнымъ поведеніемъ. Этотъ же образъ вызываетъ въ насъ потребность подражать и уподобляться Ему въ своей собственной жизни. Именно это представленіе лика Христова вдохновляло святыхъ и мучениковъ въ первые вѣка христіанства, давало имъ силы переносить всевозможныя страданія и самую смерть. Мы знаемъ, какое огромное значеніе имѣютъ идеалы въ жизни каждаго человѣка, и въ какой степени направленіе ея опредѣляется тѣми конкретными образами, которые предносятся его умственному взору. А между тѣмъ въ религіи даются человѣку и идеалы, освѣщающіе пути жизни, и примѣры осуществленія этихъ идеаловъ.

Наконецъ, даже религіозно-эвдемонистическія побужденія, заимствованныя изъ представленія наградъ и наказаній въ будущей жизни, имѣютъ не маловажное значеніе для морали. Нельзя, конечно, отрицать того, что поскольку истинною при-

чиною нашихъ поступковъ является стремленіе къ счастью и отвращеніе отъ страданій, хотя бы и за предѣлами гроба, они носятъ эгоистическій характеръ и, слѣдовательно, не имѣютъ дѣйствительной цѣнности. Но, однако, и за этими внѣшними мотивами можно признать значеніе тѣхъ исходныхъ пунктовъ, съ которыхъ начинается наша нравственная жизнь, значеніе, такъ сказать, педагогическое. Отмѣтки, награды и наказанія на первыхъ порахъ служатъ единственными побужденіями къ тому, чтобы ученикъ занимался дѣломъ. Если бы не авторитетъ родителей, онъ, быть можетъ, не захотѣлъ бы учиться ни читать, ни писать. Затѣмъ, при усвоеніи элементовъ школьнаго знанія, ребенокъ также не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ возбудителей. Мысль объ отмѣткахъ, наградахъ и наказаніяхъ заставляетъ его преодолевать свою лѣнность и заниматься работою тогда, когда даже нѣтъ къ ней расположенія. Однако же не можетъ быть, чтобы, изучая извѣстный предметъ по стороннимъ мотивамъ, ученикъ ни разу не заинтересовался имъ самимъ по себѣ и не увлекался самымъ процессомъ работы. Когда усвоеніе извѣстнаго урока идетъ успѣшно, онъ начинаетъ чувствовать интеллектуальное наслажденіе. Мало-по-малу въ немъ воспитывается вкусъ къ умственной работѣ и пробуждается чувство любознательности. Рѣшивъ, положимъ, одну задачу по одному способу, онъ испытываетъ желаніе попытаться свои силы и въ другой задачѣ, болѣе сложной и трудной, примѣнивъ къ ней другой методъ. Въ старшихъ классахъ среднихъ-учебныхъ заведеній не рѣдкость встрѣтить воспитанниковъ, серьезно интересующихся извѣстною областью знаній, читающихъ различныя пособія, горячо обсуждающихъ тѣ или иные вопросы. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подобныя факты встрѣчаются еще чаще. Наконецъ, настоящіе ученые, всю свою жизнь посвятившіе наукѣ, находятъ въ ней высшее наслажденіе, которое они не промѣняютъ ни на что иное. А между тѣмъ, если бы въ дни далекаго дѣтства ихъ не побуждали знакомиться съ школьными предметами посредствомъ внѣшнихъ мѣръ, сокровища высшаго знанія не были бы имъ доступны. Они не воспитали бы въ себѣ вкуса къ наукѣ и не сдѣлались бы ея адептами.

Подобное происходитъ и въ нравственной области. Для человѣка грубаго, находящагося на низшей ступени моральнаго развитія, необходимы внѣшніе импульсы, которые, такъ сказать, натолкнули бы его на истинный путь. Такими импуль-

сами и являются представленія о загробныхъ наказаніяхъ и наградахъ. Поскольку добродѣтель извѣстнаго лица опредѣляется только ими, она не имѣетъ истинной цѣнности. Но только психологически невозможно, чтобы исполняя нравственный законъ по внутреннему самопринужденію, человѣкъ современемъ не воспиталъ вкуса къ нему, не почувствовалъ его духовной красоты и не плѣнился ею. Опытъ показываетъ, что путь добра представляется человѣку труднымъ и непріятнымъ лишь сначала. На эту именно первую ступень нравственной жизни, требующую огромнаго напряженія со стороны человѣка и душевной борьбы, указываетъ Спаситель, когда говорить объ узкихъ вратахъ, ведущихъ въ царство небесное, о томъ, что оно «нудится» и «нужницы восхищаютъ е», когда требуетъ отъ своихъ послѣдователей самоотреченія и креста. Затѣмъ, мало-по-малу, человѣкъ начинаетъ постигать высоту нравственного закона, и послѣдній овладѣваетъ имъ. Требования долга соединяются во едино съ влеченіями природы, и человѣкъ начинаетъ слѣдовать добру съ такою же пріятностью, съ какою онъ восхищается красотой и отдается счастью. Эту высшую ступень гармоническаго объединенія долга и склонностей, красоты и добра, самопожертвованія и счастья имѣетъ въ виду Христосъ, когда говорить о Своемъ ученіи: «иго Мое благо и бремя Мое легко есть».

Въ заключеніе отмѣтимъ, что съ христіанской точки зрѣнія нравственность нуждается въ религіи и со стороны своего осуществленія. Поврежденный грѣхомъ человѣкъ не въ состояніи собственными словами исполнять всѣ требованія нравственного закона и, по словамъ апостола Павла, дѣлаетъ не добро, котораго хочетъ, а зло, котораго не хочетъ (Римл. VII, 15). Онъ нуждается въ благодатной помощи, которая и дается всѣмъ вѣрующимъ ради искупительныхъ заслугъ Иисуса Христа *).

П. Левитовъ.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки